

КУЛЬТУРОСООБРАЗНЫЕ ПРАКТИКИ

УДК 008

И. В. Леонов <https://orcid.org/0000-0003-0026-3807>

Я. В. Грусман <https://orcid.org/0000-0002-4768-9955>

И. В. Кириллов <https://orcid.org/0000-0003-3401-1798>

Памятник с военным «шрамом»: практики сохранения и экспонирования

Для цитирования: Леонов И. В., Грусман Я. В., Кириллов И. В. Памятник с военным «шрамом»: практики сохранения и экспонирования // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 4 (121). С. 185-193. DOI 10.20323/1813-145X-2021-4-121-185-193

В статье продолжается рассмотрение темы, связанной со стратегиями работы с памятниками историко-культурного наследия, которые содержат следы воздействия войн и вооруженных конфликтов. С опорой на экспозицию и фонды ЦВММ осуществляется анализ конкретных памятников, форма и смысловая аура которых несут на себе «шрамы» истории. Среди памятников, которым в статье уделено отдельное внимание, выделяются Андреевский флаг с броненосца «Цесаревич», предметы с крейсера «Варяг», фрагмент фок-мачты броненосца «Князь Потемкин-Таврический», простреленная каска бойца морской пехоты, найденная на Синявинских высотах, поврежденная лопасть пропеллера бомбардировщика ДБ-3Ф и др. Рассматривается статус «шрамированных» артефактов как «мест памяти», обеспечивающих сохранение и трансляцию представлений о военном прошлом и являющихся неотъемлемой частью военной культуры. Дается характеристика основных стратегий работы с памятниками, «патина времени» которых содержит следы военных воздействий. В качестве примера сложносоставного артефакта с глубокой семантической нагрузкой, символизирующего единство различных периодов отечественной истории, демонстрирующего историко-культурную преемственность ее эпох (в том числе через синтез разновременных военно-исторических материалов, имеющих высокую сакральную составляющую), рассматривается образ Спаса Нерукотворного – главная икона Главного храма Вооруженных сил РФ.

Ключевые слова: культурное наследие, артефакт, памятник, война, вооруженный конфликт, шрам, «место памяти», культурная память, военная культура.

CULTURE CONFORMABLE PRACTICES

I. V. Leonov, Ya. V. Grusman, I. V. Kirillov

Monument with a military «scar»: preservation and exhibiting practices

The article continues the discussion of the topic related to strategies for working with historical and cultural heritage monuments that contain traces of the impact of wars and armed conflicts. Based on the exposition and funds of the CNM, the analysis of specific monuments, the form and semantic aura of which bear the «scars» of history, is carried out. Among the monuments, which are given special attention in the article, there are St. Andrew's flag from the battleship «Tsesarevich», items from the cruiser «Varyag», a fragment of the foremast from the battleship «Prince Potemkin-Tavrichesky», a shot-through helmet of a marine infantry soldier found at the Sinyavino heights, a damaged propeller blade of the DB-3F bomber, etc. The article considers the status of «scarred» artifacts as «places of memory» that ensure the preservation and transmission of ideas about the military past and are an integral part of military culture. The article describes the main strategies for working with monuments whose «patina of time» contains traces of military influences. As an example of a complex artifact with a deep semantic load, symbolizing the unity of different periods of national history, demonstrating the historical and cultural continuity of its epochs (including through the synthesis of different-time military-historical materials with a high sacred component), the image of the Saviour Not Made with Hands – the main icon of the Main Temple of the Armed Forces of the Russian Federation is considered.

Keywords: cultural heritage, artifact, monument, war, armed conflict, scar, «place of memory», cultural memory, military culture.

В сфере историко-культурного наследия существует особая группа памятников, специфика которых определяется тем, что указанные артефакты во время войн и вооруженных конфликтов получили повреждения, которые изменили (а в некоторых случаях – существенно дополнили) их изначальную материальную форму и «смысловую ауру». Наличие указанных воздействий истории носит неоднозначный характер и порождает различные мнения по поводу устранения либо полного или частичного сохранения военных «шрамов» на памятниках. Данный плюрализм, в свою очередь, обуславливает наличие трех разных подходов и соответствующих практик работы с указанными памятниками в сфере сохранения и популяризации культурного наследия. Одна из практик направлена на возвращение «эталонных» состояний пострадавших памятников – с установкой на полную ликвидацию следов войны; другая практика выражена в направленности на сохранение военных шрамов на артефактах, поскольку указанные следы истории могут обладать особой ценностно-смысловой значимостью, превращая артефакт в «место памяти» о войнах и вооруженных конфликтах; третья практика носит компромиссный характер и выражается в частичном сохранении следов военных воздействий на артефактах историко-культурного наследия. Предпочтение той или иной практики в работе со «шрамированными» памятниками во многом носит ситуативный, индивидуальный характер и зависит от целого ряда переменных. Тем не менее анализ рассматриваемой сферы показывает: в последние десятилетия акцент на сохранение следов войны на памятниках историко-культурного наследия увеличивается, что во многом связано с необходимостью популяризации военных «мест памяти» как на макро-, так и на микроисторическом уровнях.

Весомую часть изучаемой группы памятников (помимо архитектурных сооружений) составляют оружие, военная техника и иные артефакты, имеющие отношение к функционированию вооруженных сил (военная атрибутика, обмундирование и т. д.), несущие на себе военные шрамы. Например, в экспозиции «Танки прорыва» (находится в г. Кировске Ленинградской обл.), которая является частью Музея-заповедника «Прорыв блокады Ленинграда», содержится техника, поднятая со дна Невы рядом с «Невским пяточком» – танки КВ-1, Т-26, БТ-5, Т-38. Многие из этих боевых машин содержат многочисленные пулевые и снарядные отметины и следы от ремонтов.

Несколько танков, поднятых со дна Невы, были переданы в музеи других городов.

Изучая специфику данных памятников, вполне уместно обратиться к экспозиции одного из музеев Санкт-Петербурга, посвященных военной тематике, – Центрального Военно-морского музея имени императора Петра Великого (ЦВММ). Военно-морской музей – один из старейших российских музеев, берет свое начало от основанной в 1709 г. Петром I Модель-камеры (хранилища кораблестроительных моделей и чертежей). ЦВММ сыграл важную роль в развитии военно-музейного дела в России, являясь на протяжении многих поколений значительным научно-образовательным центром и одним из институтов национальной исторической политики [Барков, 2019; Кузнецов, 2008]. Коллекция Военно-морского музея содержит множество «шрамированных» военными событиями артефактов. Среди них есть те, которые имеют сугубо военное предназначение; также в музейной экспозиции представлены памятники – «свидетели военных событий», не имеющие прямого отношения к военной культуре, однако несущие на себе отметины боевого прошлого.

Так, в числе экспонатов Военно-морского музея присутствуют артефакты, которые были подняты на месте гибели линейного корабля «Святой Евстафий Плакида»: октан навигационной системы Джона Гадлея и эфес от русского палаша. Данный корабль – один из самых знаменитых русских военных кораблей эпохи парусного флота. Во время Чесменского сражения (1770 г.) этот корабль ценой своей гибели и гибели большей части экипажа поспособствовал общему успеху. Находясь в авангарде русской эскадры, корабль атаковал турецкое флагманское судно «Реал-Мустафа». В жестоком абордажном бою моряки с «Евстафия» захватили османский корабль, но при этом сам «Евстафий» погиб из-за взрыва крюйт-камеры, вызванного падением горячей мачты «Реал-Мустафы»; при этом погибла и большая часть экипажа. Потеря флагмана вызвала панику в турецком флоте, который спешно отступил в Чесменскую бухту, где и был уничтожен; таким образом, ценой своей гибели русский корабль обеспечил победу. «Святой Евстафий Плакида» стал в отечественной культуре объектом глорификации, которая устойчиво проявляется уже на протяжении более чем 200 лет: в память о нем в русском флоте существовала традиция называть военные парусные корабли «Памяти Евстафия»; подвиг «Евстафия» запечатлен на

картине И. Айвазовского «Бой в Хиосском проливе»; в 1996 г. «Почта России» выпустила в честь «Евстафия» почтовую марку.

Глядя на октан и эфес палаша, на которых отчетливо видны следы военных воздействий, мы зримо представляем себе батальные события, в которых они участвовали и носителями памяти о которых непосредственно являются. (Стоит заметить, что в сознании христиан история о погибшем корабле «Евстафий Плакида» дополняется памятью об агиографических повествованиях о великомученике Евстафии – прославленном римском военачальнике, мученически погибшем за веру, что усложняет семантику этой истории и придает ей дополнительный страдальческий оттенок [Ростовский, 2007, с. 362-383]).

Также среди экспонатов Военно-морского музея представлен Андреевский флаг с броненосца «Цесаревич». Указанный броненосец принимал участие в русско-японской войне: в самом ее начале получил тяжелые повреждения во время японской атаки на Порт-Артур, затем участвовал в драматичном прорыве русской эскадры в порт Циндао. В 1910 г. моряки с броненосца оказывали помощь жертвам землетрясения в итальянской Мессине (одна из величайших природных катастроф начала XX в.) [Талалай, 2019]. Во время Первой мировой войны «Цесаревич» нес боевую службу на Балтике. Отблеск этих славных и драматичных событий лежит и на рассматриваемом флаге. Указанный артефакт не содержит значительных и явных военных «шрамов», что может показаться основанием для его исключения из рассматриваемой группы памятников. Представляется уместным обратить внимание на то, что ценностно-смысловая значимость артефакта может определяться не только явными шрамами и отметинами; значимость памятника может быть обусловлена тем, что он был свидетелем и непосредственным «участником» боевых действий. В таком случае шрам может быть метафорически отражен на его ауре, а не на «теле» памятника. Тем не менее, артефакты подобного рода являются во многом пограничными, поскольку их материальная компонента не имеет существенных повреждений. Примерами подобного рода артефактов, шрамированных войной на уровне ценно-смысловой ауры при отсутствии существенных повреждений материальной формы, могут выступать многие предметы повседневного быта, которые сопровождали ленинградцев во время блокады. Если приводить примеры, которые непосредственно относятся к во-

енной культуре, уместно упомянуть многие экспонаты, которые в 1910-1930-х гг. находились в петербургском Спасе-на-Водах – храме, который был хранилищем реликвий русско-японской войны и содержал корабельные иконы, которые были на судах во время боев (в том числе и икону с «Варяга»). Также в храме находилось знамя бывшего Квантунского флотского экипажа, которое было в Порт-Артуре во время осады, и множество других экспонатов с нематериальными «шрамами» [Жукова, 2009, с. 72-73].

К находящимся в собрании Военно-морского музея артефактам, несущим на себе нематериальные следы войны, принадлежат также предметы, относящиеся к крейсеру «Варяг» – наверное, самому известному кораблю за всю историю российского флота, ставшему символом несгибаемой воли и самопожертвования. В коллекции музея представлена закладная доска с «Варяга», фотографии, сделанные на корабле, а также многочисленные личные вещи членов экипажа – погоны одного из матросов, фуражка командира корабля В. Ф. Руднева, жетон «За бой «Варяга» и «Корейца» 27 января 1904 г.», принадлежавший судовому врачу С. Свешникову настольный Андреевский флаг, часы и др.

Приведенные примеры нематериального шрамирования памятников достаточно интересны – хотя, как уже было отмечено выше, они носят пограничный для рассматриваемой группы артефактов характер. Зачастую все-таки более существенным обоснованием опыта памятника выступает наглядное, зримое отражение воздействий истории, выраженное в виде буквальных шрамов, сколов, отверстий, грубых рубцов и иных повреждений.

Так, в музее представлен фрагмент ограждения фок-мачты с трапом броненосца «Князь Потемкин-Таврический», несущий на себе наглядные следы военно-исторических перипетий, в которых принимало участие судно. Этот броненосец (известный в отечественной истории прежде всего благодаря революционным событиям 1905 г.) во время Гражданской войны взорвали английские интервенты, а после войны он был разрезан на металл. Фок-мачта броненосца была использована для сооружения маяка на островке крепости Первомайский (ныне Николаевская обл. Украины). Маяк простоял до 1950-х гг., после чего был демонтирован. Фок-мачту разрезали на части, затем ее фрагменты как реликвии попали в несколько музеев. Помимо Центрального Военно-морского музея, фрагменты фок-мачты ука-

занного корабля присутствуют, например, в его филиале – музее Черноморского флота (г. Севастополь); основание фок-мачты по сию пору находится на о. Первомайский, на территории бывшей военно-морской базы; рядом с ним установлена мемориальная доска.

Указанный экспонат являет собой пример демонстрации военных повреждений в виде отдельно взятого искореженного или поврежденно-фрагмента артефакта. При этом степень эффективности такой демонстрации, как правило, довольно высока и достаточна для напоминания общей картины произошедшего, в том числе и общего состояния поврежденного артефакта. По справедливому замечанию Н. Н. Суворова, воображению вполне достаточно фрагмента, чтобы дополнить общую реальность памятника [Суворов, 2017, с. 76-80]. Указанный вид практик экспонирования является весьма распространенным в музейных пространствах, в том числе и по причине ограниченности их площадей. Еще одним примером фрагментарного экспонирования шрамированного артефакта выступают находящиеся в собрании Военно-морского музея листы обшивки крейсера 1-го ранга «Олег» с пробоинами, полученными в Цусимском сражении (1905 г.) Подобные экспонаты способны оказывать исключительно сильное эмоциональное воздействие на посетителей музея.

Продолжая обзор собрания ЦВММ, назовем также трехлопастный гребной винт с миноносца «Строгий», который поступил в Морской музей в 1916 г. от флагманского историографа штаба командующего Черноморским флотом. Лопасть гребного винта была повреждена 22 марта 1916 г. во время атаки германской подводной лодки «U-33». Миноносец протаранил форштевень рубку погружающейся подлодки, повредив при этом гребной винт правого борта (Ответ ЦВММ на запрос авторов статьи, исх. № 965 от 26 мая 2021 г.).

Уместно также упомянуть спасательный круг с утонувшего в октябре 1914 г. броненосного крейсера «Паллада» – первого российского корабля, погибшего в Первую мировую войну. Спасательный круг был поднят на месте гибели корабля. Остатки крейсера «Паллада» (названного в память об одноименном крейсере, который погиб в 1904 г. в Порт-Артуре) уже в 2000-х гг. были обнаружены возле Ханко (Финляндия). По сию пору они покоятся на балтийском дне. Указанные обстоятельства накладывают дополни-

тельный эмоциональный отпечаток на артефакты, связанные с «Палладой».

В собрании музея находится искореженная лопасть пропеллера бомбардировщика ДБ-3Ф из состава 1-го минно-торпедного авиаполка Балтийского флота. Этот самолет (командир экипажа старший лейтенант П. Трычков) в 1941 г. участвовал в бомбардировках Берлина и наносил удары по немецким войскам на подступах к Ленинграду. В сентябре 1941 г. самолет был сбит в районе станции Анциферово (ныне Хвойнинский район Новгородской обл.). Остатки самолета были обнаружены в 1972 г. местными жителями и переданы Центральному Военно-морскому музею.

Для тех наших соотечественников, которые интересуются военной историей, на самолетах ДБ-3Ф (которые не слишком удачно действовали в первый период Великой Отечественной войны) лежит печать трагизма, печать скорби – равно как и на истребителях-«ишачках», на очертаниях танков БТ-7 и Т-26, на токаревских и симоновских самозарядках, на фотографиях людей в гимнастерках со знаками различия на петлицах, на всем том, что связано с Красной армией 1941 г. Многие из этих боевых машин и этих людей не дожили до больших наступлений 1943-45 гг., но благодаря им не состоялся блицкриг и стала возможна Победа.

Очень впечатляющий музейный экспонат – каска неизвестного бойца морской пехоты, найденная в районе Синявинских высот (нынешний Кировский район Ленинградской обл.). В сопроводительной музейной надписи не содержится сведений о войсковом соединении, в котором служил моряк, но, судя по всему, каска принадлежала бойцу 73-й морской стрелковой бригады; это соединение, сформированное из моряков-тихоокеанцев и призывников из Новосибирской и Омской обл., в 1942-43 гг. воевало под Синявиным. Сам факт того, что артефакт был обнаружен в указанной локации, придает ему дополнительный драматизм: Синявинские высоты были в 1942-43 гг. местом невиданных по ожесточению боев. До сих пор каждый год поисковые отряды находят в этих местах останки все новых и новых красноармейцев. Синявинским боям и солдатам, погибшим там, посвящена популярная песня И. Растеряева «Георгиевская ленточка»:

Я еду в поезде, смотрю на все подряд:
В окно, на девочку с прекрасными глазами,
А за окном солдатики лежат...
И прорастают новыми лесами...

Проезжаю я зловещие места:
 Там, где человек – главное богатство недр,
 Где, еще с войны, бойцы лежат –
 По трое на один квадратный метр.
 <...>
 Расчудесный уголок – не леса, а сказка.
 Наступил на бугорок, глядь, а это каска...
 Чуть копнул – и вот тебе: котелок да ложка,
 И над этим надо всем – ягода морошка.

На представленной в музее каске имеется пулевое отверстие – которое, возможно, стало для ее владельца смертельным...

Примечательно, что упомянутый в ч. 1 [Леонов, 2020, с. 194-195] данной статьи артефакт – фигурка матроса-балтийца – также по всем признакам принадлежал военнослужащему 73-й морской стрелковой бригады. Эти артефакты дополняют друг друга, «рифмуются» друг с другом, что рождает дополнительный драматизм и смыслы в их восприятии.

В числе экспонатов Военно-морского музея обращает на себя внимание пробитый пулями мегафон с малого охотника № 0412 Азовской военной флотилии. Указанный катер во время войны проделал впечатляющий боевой путь: ему доводилось участвовать в боях с немецкими кораблями, высаживать десанты [Цыганов, 2008, с. 22, 35, 38, 74], ставить минные заграждения, спасать летчиков со сбитых над морем советских самолетов; с большой долей уверенности можно утверждать, что на минах, поставленных этим катером, погиб немецкий буксир «Hoefflein» и был поврежден лихтер L2109. Сам охотник № 0412 неоднократно получал повреждения от вражеских авиабомб, артиллерийского и пулеметного огня и морских мин. Следы одного из боев 1943 г. и запечатлены на представленном в Военно-морском музее мегафоне.

Помимо названных экспонатов, в собрании музея содержатся и иные артефакты со следами военного опыта, полученного в период Великой Отечественной войны, – фрагмент бронекатера № 111 Азовской военной флотилии, поврежденный распределительный вал мотора катера «МО-100» и др.

Наконец, отметим, что само нынешнее здание Центрального Военно-морского музея (отреста- врированное здание Крюковских казарм на пл. Труда, куда музей переехал в 2013 г.) содержит следы от снарядных осколков, полученные в годы Великой Отечественной войны.

Анализ рассматриваемой в обеих частях настоящей статьи проблематики показывает, что артефакты, наделенные военными «шрамами»,

имеющими как материальную, так и нематериальную природу, характеризуются «патиной времени», которая содержит особый пласт, во многом связанный с сакральной сферой культуры. При этом патина времени данных памятников может быть «многослойной», то есть содержать следы не только военных воздействий, но и иных, предыдущих и последующих периодов истории [Леонов, 2018, с. 104-109; Бондарев, 2018, с. 80-82]. Такие памятники по аналогии со шпенглеровским «миром-как-историей», находящимся в постоянных метаморфозах и органических преобразованиях [Шпенглер, 2006, с. 159-160], можно назвать «артефакт-как-история». Д. Лоуэнталь, исследовавший природу «патины времени» на памятниках истории и культуры, отмечал, что она, среди прочего, подтверждает подлинность артефакта [Лоуэнталь, 2004, с. 250]. Нередко «военный слой» становится определяющим в судьбе памятника, подчиняя другие слои (если таковые имеются); порой он сам носит подчиненный характер, вписываясь в некое «эталонное» состояние памятника либо дополняя его; порой он стирается фрагментарно либо полностью. Указанные вариации находят свое проявление в различных практиках сохранения, консервации, реставрации и воссоздания памятников историко-культурного наследия, содержащих военные шрамы. В более предметном смысле рассмотренные феномены представляют собой достаточно содержательные памятники, которые выступают хранителями свидетельств истории и олицетворением мест памяти и способны актуализировать и обогатить историко-культурную среду вокруг человека.

Отдельную область рассмотренной проблематики составляет вопрос определения экспертных критериев ценности изучаемых артефактов, включая вопрос дальнейшей судьбы искаживших их военных шрамов. В данном случае ситуация складывается достаточно сложная, что вызвано столкновением различных практик работы с культурным наследием, включая их правовые и технологические аспекты. Указанные практики, порой вступая в противоречие с военным опытом памятников, могут быть ориентированы на достаточно простые, однозначные решения, направленные на устранение военных следов. С другой стороны, ценностно-смысловая и даже сакральная компонента вопроса, в зависимости от конкретно-исторических обстоятельств, нередко перевешивает в пользу сохранения военного «опыта» памятников в частичном или полном

виде. В первую очередь, такая практика характерна для относительно молодых памятников, форма и смысловая аура которых не столь многослойны, что вполне приемлемо для сохранения следов военных воздействий. Во-вторых, она характерна для сложных в реставрационном плане памятников, которые имеют сильные повреждения; даже в законсервированном для будущих реставраций виде они являют собой пострадавшие объекты, транслирующие память о войнах. В-третьих, одной из существенных причин сохранения шрама может выступать его сопричастность наиболее масштабным в историческом плане чрезвычайным и драматичным событиям войн и вооруженных конфликтов. В-четвертых, применение данных практик связано с культурной политикой государства, ее идеологической и ценностно-смысловой составляющими, а также с официальной трактовкой основных вех историко-культурного процесса, включая создание соответствующих «мест памяти». В-пятых, применение практик сохранения следов войны может быть связано с проявлением гражданской инициативы на местах; данные практики могут проявляться стихийно и с течением времени могут получить государственную поддержку, приняв официальный характер. Резюмируя, отметим, что, помимо юридических, технологических, художественных и иных параметров определения статуса и дальнейших судеб изучаемых памятников, особую роль в определении их значимости имеют ценностно-смысловые и сакральные критерии выработки мнений экспертного сообщества, что достаточно сильно субъективизирует данную сферу. В каждом отдельном случае определение статуса военного слоя в исторической судьбе памятника осуществляется в индивидуальном порядке.

Шрамы войны являют собой одну из возможных основ для возникновения, сохранения и «культивирования» мест памяти. Указанные места в своей совокупности участвуют в формировании представлений о военной истории; их наличие является неотъемлемым элементом военной культуры, которая, «будучи производной от определенного образа жизни (в частности, от военной деятельности), представляет собой *сложный феномен, основанный на особых мировоззренческих, ценностно-смысловых и поведенческих установках, сложившихся в конкретных историко-культурных обстоятельствах бытования того или иного социума, связанного с вой-*

нами и вооруженными конфликтами» [Леонов, 2020, с. 74].

Военная память той или иной культуры, выражаясь терминологией П. Нора [Нора, 1999], принимает определенные пространственно-временные фигуры, закрепляясь при этом в «памятных местах» или «зацепках памяти». В рамках рассматриваемого вопроса особую остроту приобретает проблема начавшихся во многих регионах планеты «войн памяти», связанных с пересмотром в том числе и военно-исторических аспектов представлений о прошлом, что зачастую сопровождается уничтожением, переносом и трансформациями соответствующих прежним представлениям памятных мест.

Указанные войны принимают тотальный характер, во многом случаях угрожая национальной безопасности и вопросам сохранения национальной идентичности. Знаковым примером в данном случае являются попытки отдельных стран и институций деконструировать представления о начале Второй мировой войны, отведя при этом Советскому Союзу роль одного из ее инициаторов. Подобного рода «идеологемы» и спекуляции (к сожалению, получившие в 1990-е гг. распространение даже в отечественной историографии) нередко распространяются с прямой целью внести раскол в российское общество, нивелировать его историко-культурные достижения и ослабить ценностно-смысловые векторы современной российской культуры – в том числе и те из них, которые имеют для российского социума сакральный характер. Данные попытки в странах Восточной Европы сопровождаются сносом, перемещением либо осквернением памятников советским воинам-освободителям и полководцам. Примерами применения таких технологий деконструкции памяти являются уничтожения памятника советско-польскому братству по оружию в Варшаве, памятника генералу И. Д. Черняховскому в Пененжно (Польша), недавний снос памятника маршалу И. С. Коневу в Праге, снос обелиска советским солдатам в Шауляе (Литва), снос памятника советским морякам в г. Лимбажи (Латвия) и др. [Алексенко, 2017]. Одним из средств противостояния указанным вмешательствам, негативно интерпретирующим значительные периоды отечественной истории и деформирующим историческую память, а потому представляющим, согласно разделу II Основ государственной культурной политики Российской Федерации, один из опасных факторов для будущего России [Основы государственной ...], яв-

ляется культивация и закрепление представлений о военном прошлом, соответствующим национальным российским интересам (включая и поддержание определенного набора мест памяти как в России, так и за рубежом – и его дальнейшее расширение).

Завершить статью хотелось бы показательным примером, раскрывающим значимость артефактов, отражающих на себе военный опыт и теснейшим образом связанных со сферой сакрального, включая его духовные и мирские проявления. Главная икона недавно открывшегося Главного храма Вооруженных сил РФ (Храм Воскресения Христова в Одинцовском районе Московской обл.) – образ Спаса Нерукотворного – была написана на доске, которую собрали из лафета 8-фунтовой чугунной пушки 1710 г. выпуска, поднятой со дна Невы в черте Санкт-Петербурга [Главный храм ... , 2021]. Иконное «полотно» скреплено металлическими частями орудийного лафета, а также деревянными частями автоматической винтовки Токарева обр. 1940 г. [Главный храм ... , 2020]; на прикладе винтовки указан год выпуска – 1944. Образ Спаса Нерукотворного выбран центральным для нового собора, потому что до XVIII в. этот лик Христа использовался в русской армии вместо геральдической символики. Лик запечатлен на иконе по всем канонам и традициям русской иконописи XIV-XV вв.; вместе с тем «важно отметить, что это не список с той или иной иконы, а образ, специально созданный для воздвигаемого военного храма главным художником Сретенских мастерских в Москве Михаилом Леонтьевым» [Павлюткина, 2019]. В складне иконы также представлен образ архангела Михаила – предводителя воинства небесного, Владимирская, Смоленская, Тихвинская и Казанская иконы Божией Матери, образы которых, согласно православным представлениям, в разные периоды отечественной истории помогали выстоять в борьбе с врагами. Кроме этого, в складне есть изображения других почитаемых святых, в том числе покровителей видов и родов вооруженных сил – Николая Чудотворца, Андрея Первозванного, пророка Илии, святой великомученицы Варвары, Александра Невского, Федора Ушакова, князя Владимира, княгини Ольги.

В первую очередь, обращает на себя внимание то, что указанная икона (созданная на пожертвование, сделанное Президентом РФ В. В. Путиным [Центральную икону ... , 2019]) изготовлена на основе материалов, полученных из артефактов со значительным историко-

культурным опытом. Представляется, что рассматриваемая икона призвана символизировать единство различных периодов отечественной истории, показывать историко-культурную преемственность эпох (в том числе через синтез разновременных военно-исторических материалов, имеющих высокую сакральную нагрузку). Историческая «намоленность» использованных при создании иконы артефактов, насыщенность их ценностно-смысловой ауры и «шрамированность» материальной формы стали основой для создания нового сложносоставного памятника с глубокой семантической нагрузкой. Материал артефактов, которые «пострадали» и многое перенесли, обретая при этом высокую значимость и аккумулировав в себе память о прошлом, сохраняет и транслирует прежний «опыт» в новом облике. При этом такой памятник становится прямым преемником опыта составивших его компонентов.

Библиографический список

1. Алексенко Ф. Война с памятниками: как в разных странах сносят советские монументы // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/photoreport/26/07/2017/597733189a79471ff533720d> (26.07.2017) [Дата обращения: 20.05.2021].
2. Барков А. В. Военные музеи в контексте культурной модернизации России XVIII-XIX веков // Культура и образование. 2019. № 1 (32). С. 17-30.
3. Бондарев А. В. Теоретико-методологические подходы к изучению памятников культурного наследия (на примере дворцово-паркового ансамбля Царского Села). Часть первая / А. В. Бондарев, И. В. Леонов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 6 (86). С. 78-87.
4. Главный храм Вооруженных сил Российской Федерации // URL: <https://pravoslavie.ru/131854.html> (14.06.2020) [Дата обращения: 20.05.2021].
5. Главный храм Вооруженных сил Российской Федерации. Иконы и реликвии. URL: <https://hgam-mil.ru/temple/relics/> (2021) [Дата обращения: 20.05.2021].
6. Жукова Л. В. «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»...»: героические образы русско-японской войны в исторической памяти россиян // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2009. № 1. С. 68-81.
7. Кузнецов А. М. Отечественные военные музеи и их роль в жизни общества // Власть. 2008. № 12. С. 76-80.
8. Леонов И. В. Следы военного опыта на артефактах: критерии определения ценности и практики сохранения. Статья 1 / И. В. Леонов, И. В. Кириллов //

Ярославский педагогический вестник. 2020. № 6 (117). С. 189-198.

9. Леонов И. В. Семантика военной коммуникации посредством боевой техники и поражающих элементов (сообщения между «своими»). Статья 1 / И. В. Леонов, О. В. Прокуденкова, И. В. Кириллов // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. № 3 (44). С. 73-81.

10. Леонов И. В. Историко-культурные структуры артефактов: методы изучения, критерии идентификации и практики сохранения / И. В. Леонов, Л. Е. Филиппова-Стоян // Человек. Культура Образование. 2018. № 2 (28). С. 103-117.

11. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. Санкт-Петербург: Владимир Даль, Русский Остров, 2004. 622 с.

12. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. Д. Хапаевой; науч. конс. пер. Н. Копосов. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 19-52.

13. Основы государственной культурной политики (утв. Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> [Дата обращения: 20.05.2021].

14. Павлюткина И. В. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл освятил центральную икону Главного храма ВС // Красная звезда. 29.04.2019. URL: <http://redstar.ru/patriarh-moskovskij-i-vseya-rusi-kirill-osvyatil-tsentralnuyu-ikonu-glavnogo-hrama-vooruzhennyh-sil/> [Дата обращения: 20.05.2021].

15. Ростовский Д. Жития святых: в 12 тт. Т. 1. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. 683 с.

16. Суворов Н. Н. Памятник культуры как воображаемая реальность // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 4 (33). С. 76-80.

17. Талалай М. Г. Россия и Италия в диалоге культур: к 110-летию трагедии в Мессине. Научно-общественный «круглый стол». Мессина (Италия), 25 сентября 2018 г. / М. Г. Талалай, К. Шиманская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 1. С. 187-193.

18. Центральную икону главного военного храма России создают на личные средства Владимира Путина // Фома. 13.03.2019. URL: <https://foma.ru/tsentralnuyu-ikonu-glavnogo-voennogo-hrama-rossii-sozdayut-na-lichnyie-sredstva-vladimira-putina.html> [Дата обращения: 20.05.2021].

19. Цыганов В. И. Удар «Меча». Николаев: Издатель Гудым И. А., 2008. 368 с.

20. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. Москва: Эксмо, 2006. 800 с.

Reference list

1. Aleksenko F. Vojna s pamjatnikami: kak v raznyh stranah snosjat sovetskie monumenty = War with monuments: how Soviet monuments are demolished in different countries // RBK. URL: <https://www.rbc.ru/photoreport/26/07/2017/597733189a79471ff533720d> (26.07.2017) [Data obrashhenija: 20.05.2021].

2. Barkov A. V. Voennye muzei v kontekste kul'turnoj modernizacii Rossii XVIII-XIX vekov = Military museums in the context of the cultural modernization of Russia of the XVIII-XIX centuries // Kul'tura i obrazovanie. 2019. № 1 (32). S. 17-30.

3. Bondarev A. V. Teoretiko-metodologicheskie podhody k izucheniju pamjatnikov kul'turnogo nasledija (na primere dvorcovo-parkovogo ansamblja Carskogo Sela). Chast' pervaja = Theoretical and methodological approaches to the study of cultural heritage monuments (using the example of the palace and park ensemble of Tsarskoye Selo). Part One / A. V. Bondarev, I. V. Leonov // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2018. № 6 (86). S. 78-87.

4. Glavnyj hram Vooruzhennyh sil Rossijskoj Federacii = Main temple of the Armed Forces of the Russian Federation // URL: <https://pravoslavie.ru/131854.html> (14.06.2020) [Data obrashhenija: 20.05.2021].

5. Glavnyj hram Vooruzhennyh sil Rossijskoj Federacii. Ikony i relikvii = The main temple of the Armed Forces of the Russian Federation. Icons and relics. URL: <https://hram-mil.ru/temple/relics/> (2021) [Data obrashhenija: 20.05.2021].

6. Zhukova L. V. «Vragu ne sdaetsja nash gordyj "Varjag"...»: geroicheskie obrazy russko-japonskoj vojny v istoricheskoj pamjati rossijan = «Our proud "Varag" does not surrender to the enemy...»: the heroic images of the Russian-Japanese war in the historical memory of the Russians // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Istorija Rossii. 2009. № 1. S. 68-81.

7. Kuznecov A. M. Otechestvennye voennye muzei i ih rol' v zhizni obshhestva = Domestic military museums and their role in society // Vlast'. 2008. № 12. S. 76-80.

8. Leonov I. V. Sledy voennogo opyta na artefaktah: kriterii opredelenija cennosti i praktiki sohraneniya. Stat'ja 1 = Traces of military experience on artifacts: criteria for determining the value and practice of conservation. Article 1 / I. V. Leonov, I. V. Kirillov // Jaroslavskij pedagogicheskiy vestnik. 2020. № 6 (117). S. 189-198.

9. Leonov I. V. Semantika voennoj kommunikacii posredstvom boevoj tehnik i porazhajushhih jelementov (soobshhenija mezhdru «svoimi»). Stat'ja 1 Semantics of military communication through military equipment and striking elements (communications between «own»). Article 1 / I. V. Leonov, O. V. Prokudenkova, I. V. Kirillov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. 2020. № 3 (44). S. 73-81.

10. Leonov I. V. Istoriko-kul'turnye struktury artefaktov: metody izuchenija, kriterii identifikacii i praktiki sohraneniya = Historical and cultural structures of arti-

facts: methods of study, criteria for identification and conservation practices / I. V. Leonov, L. E. Filippova-Stojan // *Chelovek. Kul'tura Obrazovanie*. 2018. № 2 (28). S. 103-117.

11. Loujental' D. Proshloe – chuzhaja strana = The past – a foreign country. Sankt-Peterburg : Vladimir Dal', Russkij Ostrov, 2004. 622 s.

12. Nora P. Mezhdru pamjat'ju i istoriej. Problematika mest pamjati = Between memory and history. *Memory Space Issues // Francija-pamjat' / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pjuimezh, M. Vinok ; per. s fr. D. Hapaevoj ; nauch. kons. per. N. Kuposov. Sankt-Peterburg : Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1999. S. 19-52.*

13. Osnovy gosudarstvennoj kul'turnoj politiki (utv. Ukazom Prezidenta RF ot 24 dekabnja 2014 g. № 808) = Fundamentals of state cultural policy (confirmed by Decree of the President of the Russian Federation of December 24, 2014 № 808). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> [Data obrashhenija: 20.05.2021].

14. Pavljutkina I. V. Patriarh Moskovskij i vseja Rusi Kirill osvjal central'nuju ikonu Glavnogo hrama VS Patriarch of Moscow and All Russia Kirill consecrated the central icon of the Main Church of the Armed Forces // *Krasnaja zvezda*. 29.04.2019. URL: <http://redstar.ru/patriarh-moskovskij-i-vseja-rusi-kirill-osvyatil-tsentralnuyu-ikonu-glavnogo-hrama-vooruzhyonnyh-sil/> [Data obrashhenija: 20.05.2021].

15. Rostovskij D. Zhitija svjatyh = Lives of Saints : v 12 tt. T. 1. Rostov-na-Donu : Feniks, 2007. 683 s.

16. Suvorov N. N. Pamjatnik kul'tury kak voobrazhaemaja real'nost' = Cultural monument as an imaginary reality // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 2017. № 4 (33). S. 76-80.

17. Talalaj M. G. Rossija i Italija v dialoge kul'tur: k 110-letiju tragedii v Messine. Nauchno-obshhestvennyj «kruglyj stol». Messina (Italija), 25 sentjabnja 2018 g = Russia and Italy in a dialogue of cultures: on the 110th anniversary of the tragedy in Messina. Scientific and public round table. Messina (Italy), September 25, 2018 / M. G. Talalaj, K. Shimanskaja // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Istorija Rossii*. 2019. T. 18. № 1. S. 187-193.

18. Central'nuju ikonu glavnogo voennogo hrama Rossii sozdajut na lichnye sredstva Vladimira Putina = The central icon of the main military church of Russia is made with personal funds of Vladimir Putin // *Foma*. 13.03.2019. URL: <https://foma.ru/tsentralnuyu-ikonu-glavnogo-voennogo-hrama-rossii-sozdayut-na-lichnyie-sredstva-vladimira-putina.html> [Data obrashhenija: 20.05.2021].

19. Cyganov V. I. Udar «Mecha» = Strike «Sword». Nikolaev : Izdatel' Gudym I. A., 2008. 368 s.

20. Shpengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii: Geshtal't i dejstvitel'nost' = The decline of Europe. Essays on the morphology of world history: Gestalt and reality / per. s nem., vstup. st. i primech. K. A. Svas'jana. Moskva : Jeksmo, 2006. 800 s.